

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе лексико-семантических групп): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.

² Боровикова Н. А. Регулярная многозначность в ЛСГ русских глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.

³ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982; Скшидло А. Я. Синонимия в диалогической речи: типология, функционирование. М., 1985; Черняк В. Д. Синонимы в системном и текстовом аспекте. Л., 1987 и др.

⁴ Кузнецова Э. В. Указ. соч. С. 21.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Г. В. БИТЕНСКАЯ

Нижегородский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Исследуется лексическая система художественного текста повести В. Астафьева «Пастух и пастушка».

В современных лингвистических исследованиях все чаще звучит мысль о необходимости и целесообразности системного изучения лексики художественного текста, которая оценивается как «фактор, непосредственно несущий содержание текста»¹. Наблюдение за номинативным и образным смыслом лексических составляющих текста приводит к пониманию идейного замысла произведения и индивидуальных особенностей слога писателя.

Выделяются два аспекта анализа лексики художественного текста — контекстологический анализ линейно расположенных элементов и анализ текстовой парадигматики. Последний является целью данной статьи. В тексте могут употребляться как отдельные языковые единицы, так и подсистемы этих единиц, которые носят название внутритекстовых парадигм (функциональные синонимы, антонимы, внутрисловные парадигмы, функционально-текстовые группы слов)².

Объединение лексических элементов в текстовые подсистемы во многом определяется идейно-эстетическим замыслом писателя. И. Я. Чернухина выделяет три принципа тематического притяжения лексики в тексте: принцип семантического дополнения, принцип семантической мозаики, принцип семантической волны³. Основой любого семантического объединения слов в тексте, как и в языке, является общая лексическая сема.

Проанализируем лексическую подсистему в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»*. В данном тексте формирова-

* См.: Астафьев В. Повести. М., 1984. Далее в тексте статьи цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.

ние анализируемого многоярусного лексического комплекса, объединенного общей семей 'война', связано с тематико-ситуативным фактором. Ядром этого комплекса являются языковые лексические единицы — существительные, реализующие основное значение, в компонентном составе которого имеется категориально-лексическая сема 'оружие'. Данное ядро зеркально отражает строение языковой лексической парадигмы с семей 'оружие'. Это и общие родовые названия средств, технически пригодных для нападения или защиты (*оружие, орудие, орудье*), и разновидности стрелкового оружия (*ружья, винтовки, карабины, пистолет-пистолетик*), и виды артиллерийского оружия (*пушка, гаубица, миномет, пулемет, катюша, огневая точка*), и разновидности снарядов (*эрэсы, гранаты, бомбы, пули, мины*). Проявлению семы 'оружие' содействуют контекстные партнеры со значением передачи огневого действия. Они составляют достаточно самостоятельную подсистему анализируемого лексического комплекса («не унимаясь, *харкались* огнем, *бухали* два миномета»; «отрывисто *рыкали* пулеметы»; «самоходки открыли огонь из пушек»; «зафукали эрэсы»; «гаубицы бухали»).

Стилистическое своеобразие элементов текстовой парадигмы со значением 'оружие' проявляется в тенденции к образности. Образно-изобразительный смысл комбинируется с помощью метафорических элементов, передающих олицетворенное восприятие картины боя. В качестве основных средств создания олицетворения выступают глаголы и их формы (причастия и деепричастия). При этом отдельные глагольные слова повторяются неоднократно. Первая группа таких глаголов, ориентированных в языке на субъект-лицо, очеловечивает образ: «ахали гранаты» (205); «поахивали огневые средства» (215); «станковой пулемет молчал» (214); «два миномета, трахнув и уяснив, что когда кузнец кует — лягушка лапу не сует, прекратили пальбу» (214); «пушчонки стойко *сражались*» (Там же).

Вторая группа глаголов задает позицию субъекта-животного («заполошно *тявкала* батарея пушек» (202); «*тявкала* пушчонка» (Там же); «танк *прогрызал* землю» (207); «*завывали* мины» (202).

Третья группа глаголов ассоциативно связана с любым живым субъектом, человеком или животным: «не унимаясь, *харкались* огнем, *бухали* два миномета» (215); «отрывисто *рыкали* пулеметы» (Там же); «танк *содрогнулся, звякнул* железом и *забегал* вправо-влево, качнул орудием, *уронил* набалдашник» (205); «танк *дернулся, осел, смолк*» (207); «танк, рыча мотором, брякая железом, *зашевелился*, навис грузной тушей над траншеей» (206); «повисев над ними как бы в раздумье, танк *лязнул* траками, *повернулся* с визгом, бросив в старшину и Бориса комья грязного снега» (Там же); «танк *ухнул* в глубокую воронку, *задергался* в судорогах» (207). Образный сдвиг не влечет за собой потерю денотативной отнесенности имен, обознача-

ющих оружие. Однако олицетворение выводится на первый план восприятия и часто усиливается в тексте однородностью сказуемых ¹(танк *содрогнулся — звякнул — забегал — качнул — уронил*; танк *дернулся — осел — смолк*).

Отбор глаголов производится из языковых групп звучания, речи, движения, передачи огневого действия, начала и прекращения деятельности. При этом наблюдаются реализация основного значения глагола с текстовым наращением и метафоризация отдельного высказывания. Так в границах целого текста осуществляется системно-образное представление о войне и ее конкретном участке — ночном бое.

Лексический комплекс элементов со значением 'оружие' конкретизируется группой наречий, ассоциирующихся с поведением, психическим состоянием, эмоциональными реакциями, внешнею человека: «огневые точки начали *смуценно* свертывать стрельбу» (214); «*нервно* вспыхивали ракеты» (201); «затрещал *обрадованно* пулемет» (207); «орудия *высокомерно* замолчали» (214); «танки *безглазо* надвигались» (205); «начали бить *громогласно* орудия» (214); «танк *слепо* ринулся» (205).

Характер образности в значительной степени определяется сравнительными и сопоставительными конструкциями, в составе которых часто встречаются существительные в творительном падеже и сравнительные обороты. В роли логического субъекта сравнения выступают всегда наименования оружия, в роли объекта сравнения — зоосемизмы и наименования предметов человекозначащего класса, в том числе предметы солдатского быта: «подбитый танк остывшей *тушей* темнел над траншеей» (208); «с *вкрадчивым курлыканием*, от которого заходило сердце, обрушился на танк *залп тяжелых эрэсов*» (205); «потекла с роликов и опала ребристая *гусеница*, раскатилась по снегу *драной солдатской обмоткой*» (207); «Борис потерял рукавицу, наелся земли, однако держал *гранату*, как *рюмку*, боясь расплескать ее» (206); «*граната, наподобие пасхального яичка* — веселенькая такая штука» (233); «в мешке было что-то круглое, похожее на *каравай хлеба*, но солдаты разнюхали — в мешке противотанковая *мина*» (310).

Таким образом, основные звенья текстовой парадигмы со значением 'оружие' метафоризируются. Контекстная среда на первый план образного восприятия выдвигает олицетворение, которое противоречит стандартному осмыслению понятия 'оружие', так как на периферии языковой семантики этого слова имеется сема 'смерть'. В тексте оружие «оживает»: оно говорит, стонет, жалуется, замолкает, думает, становится большим, раненым и умирает наконец, как любой солдат на войне. Специфика мышления автора проявляется в нетрадиционном соотношении универсальных смыслов 'жизнь' — 'смерть', динамическое противопоставление которых проходит через весь текст.

Множественно повторяясь в тексте, отдельные ключевые сло-

ва из состава языковой группы «оружие» могут подвергаться смысловому варьированию, т. е. реализовывать или обретать различные денотативные и коннотативные смыслы. Эти смыслы слова, объединенные в подсистему, по аналогии с языковой могут быть названы «внутрисловной текстовой парадигмой»⁴.

Так, в исследуемом тексте В. Астафьева наблюдается денотативное варьирование слова *танк*, которое употребляется в следующих смыслах: а) 'боевая бронемашинa': «танкам не было ходу назад, что попадалось на пути, они крушили и перемалывали» (205); б) 'одушевленный субъект': «машины, танки, кавалерия весь день металась по фронту» (201); «за хутором, в полях и возле дороги скопища распотрошенных танков, скелеты машин» (219); «окутанный пылью, резво брэнча левой ослабевшей гусеницей и покачивая пушкой, лез к наблюдательному пункту старый танк» (310); «танки безглазыми чудовищами возникали из люка» (205); в) 'зверь': «сами машины как бы приосели на лапах перед прыжком. Но не только прыгнуть, даже уйти назад они не могли» (201); «танк возник, зашевелился безглазой тушей над траншеей, траки лягнули, повернулись с визгом» (205). Однотипность смыслового варьирования слова в границах одного линейного контекста свидетельствует об использовании В. Астафьевым конструктивного приема, который целено перадает авторскую позицию.

Особенно рельефно образное употребление ядерной лексической парадигмы и смысловое варьирование слов наблюдается при описании страшного ночного боя: «*Орудийный* гул опрокинул и смял ночную тишину. Просекая тучи снега и тьму, мелькали вспышки *орудий*, и под ногами качалась, дрожала, шевелилась растревоженно земля вместе со снегом, с людьми, приникшими к ней грудью» (201). С первых слов чувствуется, что автор, рисуя конкретную ситуацию, стремится к ее заострению, к интенсификации изобразительных средств, создающих художественный образ. Возникает конкретная и вместе с тем обобщенная картина боя, как бы образ самой войны.

Литературоведы отмечают, что В. Астафьев рисует уничтожающую, смертельную силу войны, противостоящую всему живому: «Война безнравственна — такова идея повести, которая логически вытекает из всей художественной системы текста, где герои, конфликты, повествовательная структура отличаются определенной функциональностью для создания именно такого результата эстетического воздействия произведения на умы и сердца читателей»⁵. Мы можем добавить: лексика текста служит той же цели — дать оценку войне как явлению антигуманному, враждебному человеку.

Рассмотрим парадигму, в центре которой расположены существительные — наименования лиц по воинским званиям и специальностям. Эта парадигма организована по принципу семантической мозаики. Ее ядро отражает совокупность элементов

определенного вида или рода и совпадает со словарной (*старшина, лейтенант, генерал, солдат, связист*). На периферии ряда находятся существительные, обозначающие лиц, участвующих в военных действиях. Сюда входят и языковые единицы со сниженной стилистической окраской (*войка, воинство, ванька-взводный, солдатня, прапоры*), и наименования групп лиц (*немцы, офицеры, люди*), и собственные имена персонажей, носящих военные звания (*Борис, Малышев*). Номинативное значение всех слов группы содержит сему лица. Контекстуально эти слова ориентированы на обозначение субъектов соответствующих военных действий и входят в состав рассматриваемого лексического комплекса со значением 'оружие', примыкая к ядру.

Общая лексическая сема 'живое', 'человеческое' членов данной подсистемы, попадая в тропические контексты, вступает в оппозицию со смыслом 'нечеловеческое', 'неживое'. Оппозиция особенно ярко проявляется в сравнительных оборотах: «старшина тряс *его* [немца], выдергивал, как *суслика из норы*» (205); «и как только отвели и поставили его в резерв, к замполиту полка явился выветренный, *что вобла, лейтенантишка* — проситься в отпуск» (300); «*его* обдало пламенем и снегом... забило все еще вопящий рот землю, катануло по траншее, *будто зайчонка*» (207); «из окопов то тут, то там выскакивали темные фигуры чужих *солдат*, от низкосевших касок *казавшихся безголовыми*, и бросались во тьму, вдогон своим, с криками и плачем» (Там же); «как приведения, как нежити, появлялись из тьмы... *немцы...*» (214); «как *утильсырье*, там *людей* сортировал» (280).

Метафорические контексты низводят смысл 'человеческое' в словах до 'нечеловеческое', 'неживое': «на крик его густо *сыпали* немцы, чтобы заткнуть ему глотку» (203); «связисты *зверски* ругались с эрэсовцами» (201); «связист сматывал провод и *озверело* пер вперед (218); «но тут выбился из тьмы еще один немец, с визгом *по-собачьи* впился зубами в ногу старшины» (203); «и наши и чужие солдаты попадали в ледку, жались друг к другу, затискивали головы в снег, срывая ногти, *по-собачьи* рыли руками мерзлую землю, утягивали под себя ноги, старались быть меньше,— и все это молчком, лишь загнанный хрип слышался отовсюду» (205); «то сближались, то проваливались во тьму, зияющую за огнем, тени людей, *табуны* людей, кучи людей, закрученных водоворотом боя» (203); «те же Малышев и Карышев, которым *износу не было*, двинулись за старшиной» (214).

Образные нюансы 'неживого' активно передаются аффиксами (офицеры, лейтенантишка).

Лексическая подсистема укрупняется и конкретизируется образом горящего человека, далее развивается в аллегорическую фигуру ангела-мстителя, с одной стороны, и образ дикаря,

варвара — с другой. Доминирующей является здесь сема уродства, жестокости, животной пещерной бессознательности: «Огромный человек, шевеля огромной тенью и развевающимся за спиной факелом, двигался, летел на огненных крыльях, крушил все на своем пути железным ломом... Казалось, что пророк небесный — с карающим копьём низвергся на землю, чтобы наказать за варварство людей, образумить их.

Страшен был тот, горящий, с ломом. Тень его металась, то увеличивалась на версту, то исчезала вовсе, и сам он, как выходец из преисподней, то разгорался каким-то ослепительным, вулканическим огнем, то темнел, проваливался в тряпичном чаду и копоты. Он дико выл, оскаливал зубы, хрипел в удушье, и чудились на нем густые волосы, и лом был в его лапах уже не ломом, а выдранным в темном лесу дубьем. Руки его длинные, с костями, ноздри зверино вывернуты, и уши, как у нетопыря — лопухами. Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого двуногого существа, а полыхающий за спиною факел — будто отсвет тех огненных бурь, из которых возникло это чудовище, поднялось с четверенек и дошло до наших времен с неизменившимся обликом пещерного обитателя» (204).

Итак, в тексте повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» наблюдается особая структура лексического комплекса, который организован по типу поля. Элементы его (слова и словосочетания) объединены темой, лейтмотив которой 'война', и располагаются от ядра к периферии. Организующим центром лексического комплекса является точка зрения автора. Она выражается в том, что лексика текста составляет фундамент денотативного смысла и «содействует формированию индивидуального своеобразия текста, его эстетической целостности»⁶.

Главным средством связи служит в тексте смысловая оппозиция, которая особенно ярко проявляется на уровне образного осмысления элементов поля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Иванова В. А., Купина Н. А. Глагольные комплексы в художественной прозе // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. С. 71.

² См.: Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.

³ Чернухина И. Я. Принципы организации лексических парадигм в словаре и тексте // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала (Свердловск, 2—5 февр. 1988 г.). Свердловск, 1987. С. 163.

⁴ Купина Н. А. Указ. соч. С. 89.

⁵ Хоппе З. Художественное своеобразие философской прозы В. Астафьева // Поэтика русской советской прозы: Сб. науч. тр. Уфа, 1976, а также см. об этом: Хрящева Н. П. «Пастух и пастушка» В. Астафьева. Толстовские традиции и русская воинская повесть // Там же; Максимова Н. В. Проблема авторского гуманизма в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» // Вопр. рус. лит. Львов, 1975. Вып. 1 (25).

⁶ Купина Н. А. Лексические парадигмы в художественном тексте // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала (Свердловск, 2—5 февр. 1988 г.). Свердловск, 1987. С. 146.